

Миф об исламизации

Европа как лаборатория модернизации ислама

Рафаэль Лиожье

Вопреки распространенному мнению о том, что ислам для французского общества – просто инородное тело или вредный нарост, мусульманство за последнее десятилетие стало, если можно так выразиться, подлинно французской религией.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

До этого времени к нему действительно подходило определение религии меньшинства, религии выходцев из бывших колоний, прежде всего из стран Магриба (особенно из Марокко, Туниса и Алжира), в меньшей степени из стран, лежащих к югу от Сахары (например, из Сенегала или Мали), и некоторых островных государств (Коморы). Впрочем, и в тот период мы не наблюдали не только конфронтации, но даже существования каких-либо барьеров между французским обществом и иммигрантами, людьми из *другой* цивилизации. Они представляли собой национальные меньшинства, у которых фактически было две родины: принимающая страна – Франция – и «страна-спонсор», чьими гражданами они являлись. С пятидесятых до девяностых годов прошлого века ислам был «привозным», составлял часть культуры тех, кто приезжал – марокканцев, тунисцев, алжирцев, малийцев, турок, коморцев и др.

Отправление религиозного культа осуществлялось в культурном контексте стран, откуда происходили его приверженцы, и служило для первого поколения иммигрантов способом сохранять живую связь с родиной. Арабские государства принимали участие в финансировании мусульманской

Рафаэль Лиожье – профессор Института политических исследований в Экс-ан-Провансе, директор научного центра *Observatoire du religieux*. Последняя изданная работа – «Миф об исламизации. Исследование коллективного наваждения» (Париж: изд-во *Seuil*, 2012).

общины Франции – для того чтобы подпитывать в своих гражданах, работающих за рубежом, чувство верности родной стране (Алжир, например, взял на себя расходы на содержание Великой парижской мечети). Выделение средств на нужды французских мусульман, особенно выходцев из государств Магриба, являлось, по сути, вложением, которое вполне окупалось со временем. Действительно, непрерывающаяся связь, которую мусульманские страны поддерживали со своими эмигрировавшими гражданами, вела к огромному притоку денег в эти государства от экспатриантов. Создание Французского совета мусульманского культа (ФСМК) – организации, вобравшей в себя основные мусульманские идеи, – потребовало огромных усилий, даже сейчас его деятельность наталкивается на серьезные противоречия. Причина в том, что здесь объединены под одним знаменем различные этнокультурные интересы.

Именно этот «устаревший» ислам, как его иногда презрительно называют новые поколения, ислам, для которого не характерен фанатизм, но при-суща связь с культурой и память о «родной стране», находится в стадии исчезновения. Я, конечно, не хочу сказать, что его уже нет; просто такой ислам неинтересен новым поколениям. Они могут быть потомками иммигрантов предыдущего поколения, но привержены исламу как таковому, его внутренней и обрядовой стороне гораздо больше, чем своим этнокультурным корням. Кризис легитимности, переживаемый сегодня ФСМК, непосредственно связан с конфликтом между прежним поколением мусульман, воспринимавшим ислам через призму своих этнокультурных особенностей, и современной генерацией верующих, которые нередко проявляют бóльшую религиозность. Стремясь открыто, без стеснения, выразить свою принадлежность к мусульманской конфессии, они остаются полноправными французами, а не французскими мусульманами тунисского или марокканского происхождения.

Нам никогда не приходилось видеть столкновения цивилизаций. Ни раньше, когда во Франции доминировал ислам постколониального толка, сильно окрашенный этнокультурными различиями и лишенный ярко выраженного конфессионального характера, ни сегодня, когда у нас появился более унифицированный тип ислама, свойственный молодым поколениям французских мусульман, которые ощущают себя настоящими французами и настоящими мусульманами. Нет конфликта цивилизаций, есть конфликт поколений.

Меньше чем за 20 лет у следующего поколения мусульман развился новый тип духовного энтузиазма, который все больше отдаляется от идей постколониального ислама. Этот феномен выходит за рамки французского общества, являясь частью общемирового процесса: развиваются мусуль-

манские организации глобального масштаба, среди которых, конечно, попадают и неофундаменталистские, и неосуфийские. В исламе возникает все больше новых богословских теорий, адаптированных к современной экономической системе. Они придают большое значение преуспеваю и позволяют новому среднему классу из мусульманской среды оправдывать «с исламской точки зрения» их деловую активность; отсюда такая популярность «мусульманского бизнеса» – не только в исламском мире, но и в Европе. В одном русле с этими индивидуалистскими и универсалистскими тенденциями современного общества утверждается и новая мусульманская идеология. С одной стороны, она нацелена на личное развитие и своекорыстие, а с другой – на поддержание стабильности, защиты окружающей среды и глобального сознания. Ислам, наряду с неошаманизмом и необуддизмом, популярными и в России, и в остальной Европе, удивительным с точки зрения здравого смысла образом участвует в становлении нового духовного сознания, характерного для промышленно развитых обществ. В основе такой новой духовности лежит «энергетическое сознание» (политика экономии энергоресурсов), нечто среднее между культом субъективности и признанием всеобщей связи.

Ежегодная весенняя ярмарка в Бурже, которая успевает за выделенные на ее проведение три дня привлечь около 300 тыс. человек и остается, пожалуй, самым крупным в Европе регулярным собранием мусульман, служит своеобразным смотром всех сверхсовременных течений ислама, начиная с ригоризма и заканчивая духовными исканиями почти анархистского толка, близкими движению «Нью Эйдж».

Многообразие и динамизм ни в коей мере не чужеродны европейскому обществу, скорее, наоборот, они близки некоторым тенденциям христианской религии. Но они остаются незамеченными по причине какой-то почти маниакальной подозрительности к исламу, которая стала ощущаться с начала 2000-х годов. В итоге широкое распространение получил миф об «исламизации», ставший частью политического дискурса и популярной темой для прессы: вся Европа, а особенно Франция, якобы переживают исламизацию. По мере роста подозрительного отношения к исламу мусульмане перестали восприниматься как нормальные люди со своими достоинствами, недостатками, проблемами, достижениями и провалами, со своим непростым опытом адаптации к иной среде. Теперь, независимо от того, являются они французскими гражданами или нет, в них видят лишь чужеродный элемент и даже скрытого врага, стремящегося уничтожить европейскую культуру во имя всепобеждающей исламской идеи. Кажущееся многообразие течений ислама, с точки зрения этих людей, – не более чем видимость.

СКОЛЬКО ВО ФРАНЦИИ МУСУЛЬМАН?

Прежде чем ответить на этот вопрос, может быть, стоит задуматься, почему он вызывает такой интерес. Клод Геан, министр внутренних дел при президенте Саркози, с обезоруживающей простотой заявил в апреле 2011 г., что уже сам факт «многочисленности» мусульман представляет собой проблему. Вообще ни одна другая мировая религия не является объектом столь тщательных подсчетов. Считают количество мечетей, число минаретов и, конечно, численность мусульманского населения. Создается впечатление, что «проблема ислама» каким-то образом связана со статистическими показателями.

В связи с падением рождаемости в Европе как минимум с 1950-х гг. начинает ощущаться подозрительность и даже недоверие к странам третьего мира, чье население «слишком быстро воспроизводится» и грозит хлынуть потоком в «наш» богатый Старый Свет. И только с начала 2000-х гг. возникает тенденция связывать эту демографическую проблему исключительно с исламом. Свидетельством может служить фильм, распространенный Ватиканом осенью 2012 г.: зрителей пугали почти безудержным ростом числа мусульман, армия которых с каждым днем увеличивается, готовится завоевать Европу.

Действительно, миф об исламизации покоится на утверждении о колоссальном росте числа мусульман, росте, в котором якобы заинтересованы сами мусульмане, поскольку их цель – экспансия. В Европейском союзе сейчас проживает от 13 до 16 млн мусульман, т.е. примерно 3% от всего населения Европы, составляющего около 500 млн человек. Во Франции количество мусульман колеблется, по разным оценкам, от 2,1 млн до 6 с лишним миллионов человек, тогда как общее население Франции – 65 миллионов. Если включать в число мусульман только взрослое население, исполняющее религиозные обряды и признающее себя приверженцами ислама, их общее количество будет равняться 2–3 млн человек (если же принимать в расчет несовершеннолетних, цифра возрастет до 4 млн, составив почти 6,5% от всего французского населения). В любом случае, их никогда не было 6 млн, хотя такая цифра бесконечно муссировалась в прессе (вероятно, с целью довести число мусульман во Франции до «пугающего» символического уровня – 10%).

Заметим, впрочем, что упомянутые 6 млн уже больше 10 лет назад фигурировали в публичном дискурсе людей, которые видят в исламе причину для беспокойства и предсказывают его быстрое распространение. Выходит, те, кто на протяжении последних 10 лет пророчат стремительный рост мусульманского населения, грозящий, на их взгляд, исламской «демографиче-

ской экспансией» в ближайшие десятилетия, приводят те же завышенные цифры, что и раньше: за прошедшие годы они не изменились. Во всем мире кривая роста мусульманского населения пошла на убыль; в Европе этот рост стабилен или даже клонится к отрицательному значению. Во Франции, в частности, темпы роста тех, кого можно теоретически причислить к мусульманам, сопоставимы со средними показателями изменения населения по стране в целом. (Известно, что во Франции не ведется статистики, относящейся к религиозной и этнической сферам, но мне удалось отыскать один научный опрос, проведенный немецкими исследователями в 2007 году.)

Во Франции и Европе есть только три источника увеличения мусульманского населения: естественный прирост, иммиграция и, наконец, обращение в ислам. Конечно, в Европу и, в частности, во Францию идет приток иммигрантов, которых с большой долей вероятности можно причислить к мусульманам: в Европу они попадают главным образом из Марокко; во Францию – из всех стран Магриба, в меньшей степени – из государств, лежащих к югу от Сахары. Но конкуренцию им составляют иммигранты из Азии (Китай занимает второе место по числу граждан, эмигрирующих в Европу). За недостатком места я не могу подробно останавливаться здесь на каждой проблеме в отдельности – рождаемости у мусульманского населения, обращения в ислам или иммиграции в Европу. (Заинтересованного читателя я отсылаю к моей последней книге «Миф исламизации», в которой анализируются данные практически всех имеющихся опросов по теме.) Но общий вывод такой: ни один из этих трех факторов не способен привести к заметному увеличению доли мусульман во французском населении.

КТО ТАКИЕ ФРАНЦУЗСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ?

Во Франции можно встретить самых разных мусульман. Как правило, мы видим оживление религиозного чувства и внешней стороны культа, но одновременно с этим имеет место «обуржуазивание» ислама. Разумеется, присутствует тяга к фундаментализму, особенно салафитского толка. Но даже среди салафитов вы найдете три категории верующих. Одиночки, которые не собираются менять мир, но хотят измениться сами (таковых большинство). Те, чья цель на самом деле – социальные реформы. И, наконец, люди, которые верят в прямое действие, т.е. в действие насильственное (они составляют ничтожно малую группу). Среди столь разнообразных духовных и социальных течений нам встретится Ассоциация французских мусульман-гомосексуалистов (*HM2F*), единственная исламская организация такого рода; ее существование пробивает брешь в почти единогласном осуждении гомосексуализма в мусульманском мире. Мы найдем здесь и

столь неожиданные явления, как союз «Амазонок республики», объединяющий юных девушек в парандже, готовых, несмотря на то, что подобная одежда является в глазах обывателя символом притеснения, отстаивать свободу женщин и бороться с мачизмом мусульманских мужчин. Можно лишь отметить такие общие для всех черты, как большое религиозное рвение, распространенность халяльных продуктов, популярность праздника Рамадан, возрастающая открытость, желание быть мусульманином, «потому что это мой выбор».

Европа и особенно Франция стали своего рода лабораторией, в которой ислам постепенно модернизируется, несмотря на неизбежное сопротивление религии, не прошедшей через процесс обновления, подобный тому, какой пришлось пережить католической церкви после Второго Ватиканского собора. Впрочем, это сообщество живет в состоянии вечного движения, испытывая на себе влияния самого разного характера, откуда бы они ни шли: из Катара, Саудовской Аравии или какой-нибудь другой страны. Среди источников нельзя выделить одну главную линию, преобладающее направление. Самых восприимчивых к чужому воздействию (а ими нередко оказываются новообращенные) легче всего сагитировать и даже завербовать – как любого внушаемого человека, которому пообещали блестящее будущее и обретение идентичности.

Организационные проблемы, до сих пор актуальные для французского ислама (если оставить в стороне теологическую основу религии, которая не допускает посредников между человеком и Богом, так что каждый становится, так сказать, сам себе священником, находясь в прямом контакте со Всевышним), связаны прежде всего с этим многообразием мусульманских группировок, многочисленностью течений, которыми полнится сегодня бурлящий исламский мир. У французских мусульман, например, нет ничего общего с боевиками из Мали. Представление о том, что всех мусульман в мире объединяет исламская солидарность, глубоко ошибочно и является производной мифа об исламизации. Одним из его источников служат работы британского востоковеда Бернарда Льюиса, автора известного выражения «столкновение цивилизаций», под которым следует понимать не что иное, как конфронтацию между Западом и «исламской цивилизацией». Сэмюэль Хантингтон перенял у Льюиса это выражение, придав ему примерно тот же смысл, т.е. приписав мусульманам всего мира – как бы ни различалось их социальное, культурное и экономическое положение – чувство солидарности, которое якобы сплачивает их и делает непримиримыми к врагам.

Конфликт в Мали, скажем, никак не связан с исламизацией. Мы видим, что толерантное мусульманское общество, где с давних пор мирно сосу-

ществуют традиционный ислам и суфизм, подверглось атаке со стороны экстремистских групп, провозглашающих себя мусульманами, но на деле исповедующих идеологию, которая имеет по отношению к исламу экзогенный характер. Тут мы имеем борьбу мусульман против мусульман. Подоплекой их противостояния являются вполне конкретные геостратегические и экономические интересы. Французские мусульмане не чувствуют своей причастности к этой войне малийских экстремистов. Между тем «арабская весна» была встречена ими благожелательно и подчас даже с гордостью, поскольку продемонстрировала, что арабское население может сплотиться и освободиться от диктатур (из которых такие как Тунис пользовались поддержкой Франции). Однако у французских мусульман больше нет чувства солидарности с исламистскими режимами. Скорее, наоборот – преобладает критическое отношение и недоверие. Наряду с этим ощущается раздражение против однозначного и слепого восприятия исламизации, против непонимания того, что такие революции не могут совершаться в один день. Великая французская революция тоже прошла периоды террора, прежде чем удалось восстановить порядок. Можно увидеть хороший знак в том, что стремление некоторых исламистов, занимающих правительственные посты, навязать народу свою волю натолкнулось на массовые митинги протеста (например, в Египте и в Тунисе).

Сейчас наблюдается процесс массового приобщения мусульман к демократическим ценностям, к свободе выражения и вообще к современным идеалам, но во французском исламе остаются глубинные проблемы, а также догмы, несовместимые с духом времени. Однако надо ясно понимать, что к случаю с Мохаммедом Мера, совершившим в 2012 г. шумный теракт в Тулузе, эти догмы, конечно, отношения не имеют. Мера – социальный изгой с неустойчивой психикой, он страдал алкоголизмом, был связан с уличной преступностью, работал осведомителем для полиции и даже собирался вступить в Иностраннный легион, но был признан негодным к службе. К исламу он прибег как к последнему средству и поэтому не может считаться сколько-нибудь типичным представителем мусульманской молодежи, воодушевленной новым духовным подъемом. Напротив, Мера – типичный продукт мифа об исламизации. Он облекся в одежды ислама, потому что эта религия внушает страх. Он захотел стать исламистом раньше, чем стал мусульманином, чтобы отомстить за себя, чтобы оправдать свое насилие и преодолеть комплекс неполноценности. Он начал с убийства солдат Иностранного легиона (между прочим, мусульман), ибо те ассоциировались у него с неудачной попыткой вступить в их ряды.